

и предметно насыщенное). Современники и ближайшие потомки имели прежде всего в виду ряд сходных признаков, содержательных и формальных, как, напр., десятистрочие, планировка, политическая функция и др., но думали также и об аналогии в исторической роли, сыгранной обоими: и Ломоносов первый указал единospасающий путь (*et le premier en France...*), и он оттеснил прошлое в забвение (силлабики=Плеяде), и ему, как и Малербу, подчинились все (*tout reconnu ses lois*), и он тоже, наконец, стал внеспорным руководителем для последующих (*et se guide fidèle aux auteurs de nos jours sert encor de modèle*).

Однако приравнение Ломоносова Малербу имело и более тесный смысл. Литераторы XVIII в., которые Малерба знали прекрасно, видели ближайшую связь между тематикой Ломоносова и Малерба. Это можно было, особенно в связи с только что указанным выше, осмыслить похвально («Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен»), но можно было извлечь отсюда и обвинение в плагиате. Дальше мы увидим, что есть все основания полагать, что именно о Малербе в первую очередь думал Сумароков, когда писал:

... Гюнтера и многих обокрал
И мысли их писав, народ наш удивлял.

Заметим также, что постулат оригинальности, предполагающийся в Сумароковской постановке вопроса, доказывает, как далеко Сумароков отошел от литературного мировоззрения, типичного для ортодоксального классицизма. Один из конститутивных признаков классицизма, воспроизведение прежде бывшей тематики, он осмысляет, как плагиат.

2

Ода на день рождения Иоанна III (VI) Антоновича 12 августа 1741 г. принадлежит к числу слабейших у Ломоносова. Нелепость задачи (славить ребенка) ставила Ломоносова в невозможное положение. Быть может, приглашение (66—67):

Натура, выше встань законов,
Роди, что выше сил твоих

выражает крайнюю литературную трудность дела. Что можно было, далее, сказать о таком ничтожестве, как регентша? Ломо-